

ВИКТОР
ПРОНИН
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
НЕ СУДЯТ

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОТ СОЗДАТЕЛЯ
«ВОРОШИЛОВСКОГО
СТРЕЛКА»**

ЭКМО

Виктор Пронин
Победителей не судят

«ЭКСМО»

2000

Пронин В. А.

Победителей не судят / В. А. Пронин — «Эксмо», 2000

Опасность – рядом, в темном проходном дворе, в подъезде собственного дома, да просто – на людной улице. Илья Касьянин вроде бы и знал об этом, но как-то не обращал внимания, пока не оказался в самой гуще жестоких и кровавых событий. Обстоятельства взяли его в жесткий переплет. И в этом слабом, податливом человеке проснулся зверь, который просто не умеет отступать. Он отдает все за победу. За победу над собой, над обстоятельствами, над матерыми бандитами.

© Пронин В. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Виктор Пронин Победителей не судят

* * *

Это происходило каждый день в любую погоду, в любое время года и со временем стало не то маленьким дворовым развлечением, не то суровым ритуалом. Каждое утро где-то между семью и половиной восьмого Касьянин выводил на балкон свою собаку, рыжего кокер-спаниеля, и, еще не проснувшись окончательно, недовольно-ворчливо и в то же время озабоченно-старательно обтягивал спаниеля кожаными ремешками, застегивал на его спине несколько металлических пряжек и, убедившись, что все сделал, как нужно, что упряжь застегнута надежно, опускал визжащую от ужаса собаку с балкона двенадцатого этажа. Зимой опускал в полную темноту, в предрассветную метель, а летом – в солнечное утро, но в пропасть, в пропасть с двенадцатого этажа. На тонком стальном тросике, переброшенном через колесо небольшого блочка.

Медленно поворачивая рукоятку, Касьянин опускал собаку все ниже, ее душераздирающий предсмертный визг затихал и постепенно превращался в радостно-нетерпеливое повизгивание. Но это уже когда собака видела приближающуюся землю.

Так Касьянин выгуливал по утрам кокера Яшку.

Убедившись, что собака достигла земли, Касьянин отматывал еще с десятков метров тросика и, закрепив блок железным стопором, возвращался в квартиру – досыпать, бриться, завтракать. Все это время Яшка носился у дома. Длины тросика хватало, чтобы он мог описывать круги где-то метров двадцать-тридцать в диаметре. К нему тут же подбегали другие, более счастливые собаки, обнюхивали, приветствовали, выражали, как могли, собачье сочувствие Яшке, которому приходилось переносить столь тяжкие страдания.

Это зрелище каждое утро наблюдали сотни жителей нескольких многоэтажек. Убедившись, что кокер и на этот раз благополучно достиг земли, жильцы облегченно переводили дыхание и возвращались к своим делам.

Случались досадные неожиданности, бывало, Яшка опорожнял свой мочевой пузырь где-то на уровне седьмого, шестого этажа, но это никого особенно не удручало, скорее забавляло, и многочисленные очевидцы случившегося начинали свой день с добродушной всепрощающей улыбки.

Яшку понимали.

Да и как не понять! Кто удержится, если бы его вот так же с двенадцатого этажа, на тонком тросике...

По характеру Яшка был незлобивым, охотно откликался на любой зов, доверчиво принимал угощения и тут же радостно уносился прочь, паря в воздухе на громадных своих ушах. Кто бы ты ни был, человек ли, собака, но если каждодневно переносишь такие вот испытания, рискуешь жизнью, то уже не можешь быть злобным, завистливым, мелочным – обычные житейские неурядицы, тяготы тебя уже не трогают, не задевают, ты знаешь им цену.

Вот и в это утро Касьянин, еще во сне услышав жалобное Яшкино повизгивание, недовольно поморщился, открыл глаза, сбросил ноги на пол, безошибочно попал ступнями в стоптанные шлепанцы. Они и в самом деле шлепали по полу, правда, на левом подошва оторвалась с носка, а на правом – с пятки. Поэтому ходить в этих шлепанцах мог только сам Касьянин, приловчившись одну ногу подволакивать, а вторую резко выбрасывать вперед.

Покряхтывая, он прошел через комнату, открыл дверь на балкон. Не глядя, нащупал Яшку, который вертелся в ногах, нетерпеливо повизгивал, но прорывались, прорывались в его

стонах и истеричные нотки. Яшка прекрасно знал, что ему сейчас предстоит преодолеть, чтобы часок побегать по жесткой, сухой траве. Так же на ощупь Касьянин накинул упряжь на рыжую вздрагивающую спинку и не торопясь застегнул все пряжки. Внимательно осмотрев замершую собаку, он глянул вниз и тут же ощутил в груди опасливый холодок. Боялся Касьянин высоты, и всегда его охватывала легкая тошнота, стоило ему посмотреть с двенадцатого этажа.

– Ну что, готов? – спросил он. Яшка в ответ лишь плотно прижался к деревянному полу балкона и закрыл глаза. – Терпи, брат, терпи...

Касьянин осторожно завел собаку над пропастью, второй рукой ухватил рукоятку блочка и только тогда выпустил Яшку. Тот коротко взвизгнул, раскачиваясь на тросике, заскулил, не разжимая зубов, застонал от ужаса и безысходной тоски.

А Касьянин начал медленно вращать рукоятку.

– Пошел, – проговорил он обычное свое напутствие.

И Яшка заскользил вниз. Миновал один этаж, второй. Кто-то из жильцов нижних этажей пытался дотянуться до него, потрепать за длинные мохнатые уши, подбодрить. Яшка благодарно взглядывал, не прекращая скулить сквозь зубы.

– Давай, Яшка! Не дрейфь!

– Где наша не пропадала!

– Тяжело в учении – легко в бою!

– Совсем мужик умом тронулся!

Все эти крики неслись из окон и с балконов, но Касьянин настолько привык, что уже не обращал на них внимания. Единственное, что он слышал в эти минуты, это собачье повизгивание – сам он старался не смотреть вниз. Когда истеричность в Яшкиных воплях сменялась радостным повизгиванием, Касьянин понимал, что тот уже у самой земли. И действительно, еще один поворот рукоятки – и тросик ослабевал. Значит, Яшка приземлился. Сделав еще несколько поворотов рукоятки, Касьянин закрепил ее и, убедившись, что Яшка, радуясь жизни, уже носится по траве, ушел в квартиру, закрыв за собой дверь балкона.

Был Касьянин взлохмачен, одет в длинную пижаму с голубоватыми полосами и шлепанцы. Пижамы была настолько велика, что из рукавов торчали лишь кончики пальцев, а штанины, ниспадая вниз, оставляли лишь носки шлепанцев.

– Привет! – бросила жена, проносясь мимо и на ходу запахивая на себе халат.

– Привет, дорогая... Большой тебе сердечный привет... Прекрасная погода, не правда ли? – пробормотал Касьянин почти неслышно, поскольку жены рядом уже не было и его приветствий она не слышала. Да она и не желала слышать утренние его слова. Так уж получилось, что с самого начала их совместной жизни Марина решила, что самый лучший, естественный тон для общения с мужем – насмешливо-пренебрежительный. Некоторое время Касьянин удивленно вскидывал брови, пожимал плечами, дескать, что с бабы взять, а потом и вовсе перестал замечать этот ее тон. К тому времени для него потеряло значение, как обращается к нему жена, да и обращается ли вообще.

Да, звали жену Мариной.

Был недолгий период в нашей недавней истории, когда вдруг в народе сложилось мнение, что наиболее достойное, красивое и даже возвышенное имя для девочки – Марина. И Марины заполнили собой все магазинные прилавки, диспетчерские автопредприятий, из каждого касового окошка на вас смотрела Марина, она приставала к вам в троллейбусе, чтоб вы купили билет, она подавала завтрак в самолете и чай в поезде. В этом, наверное, было что-то мистическое, но Марины выше не поднимались, на таком вот примерно жизненном уровне они чувствовали себя наиболее уверенно и удобно.

Возможно, это авторское заблуждение, но, похоже, и характер у всех Марин был если и не одинаков, то по многим показателям совпадающий. Были они напористы, с годами становились нагловатыми, к мужчинам относились требовательно и капризно, что было даже уди-

вительно при их, в общем-то, легкой доступности. И еще – они со вкусом и каким-то тайным значением любили употреблять слова «мужчина» и «женщина», в южных районах страны с непередаваемым изяществом произносили эти слова чуть иначе – «мушчина», «женшчина».

– Привет, папаня! – бросил на ходу сын, проносясь в туалет.

– Привет, Степан, – кивнул Касьянин тоже без подъема, просто ответил на приветствие, не задумываясь о том, услышал ли сын его слова. – Прекрасная погода, не правда ли?

Чтобы не раздражать мать, Степан как-то незаметно перешел на тон, которым разговаривала с отцом и его мать. Конечно, он не мог себе позволить снисходительного пренебрежения, но сдержанность, некоторую отстраненность, может быть, даже снисхождение усвоил вполне.

И, конечно же, последовала защитная реакция – в Касьянине само собой выработалось смиренное терпение, молчаливая покорность, улыбочное понимание. Дескать, если вам, ребята, так нравится разговаривать со мной, ну что ж, не возражаю. Но и это охотное смирение тоже раздражало жену, она чувствовала его неуязвимость. Касьянин явно смотрел на нее свысока, как бы сожалел о ее неразумности. Так забравшийся на дерево кот смотрит вниз на беснующуюся от бессилия собаку. Да, укоры, уколы Марины нисколько Касьянина не затрагивали. И на губах его постоянно блуждала скорбная полуулыбка. Впрочем, ее можно было назвать и снисходительной, а то и попросту слегка жалостливой.

Когда-то в прежние молодые годы Касьянин без устали носился по стране, писал шумные судебные очерки, после которых, случалось, снимали с постов прокуроров, освобождали невинно осужденных, давали людям квартиры или, наоборот, выселяли из незаконно полученных. Но власть сменилась, журналистика обеззубела, и теперь даже речи быть не могло о том, чтобы разнести в пух и прах прокурора, пригвоздить к позорному столбу взяточника, вытащить из-за колючей проволоки случайно оказавшегося там бедолагу. Теперь Касьянин уже не писал разгромных статей, он писал маленькие, по десять-двадцать строчек, заметки о всевозможных криминальных происшествиях в городе. Прежние знакомства позволили ему наладить новые отношения с правоохранительными органами, и он неожиданно оказался полезным для той газетенки, которая пригрела его в эти смутные времена. Можно сказать, что он был одним из наиболее удачливых поставщиков криминальных новостей, частенько опережая издания куда более солидные и уважаемые.

– Чай пьешь? – прокричала Марина откуда-то из кухни.

– Пью.

– Тогда пей.

Касьянин пожал плечами и все в той же голубоватой пижаме пошлепал на кухню.

– Чем-то недоволен? – спросила жена.

– Возможно.

– Что же на этот раз? – Марина начинала заводиться тут же, едва услышав первые слова, которые, как ей казалось, задевали ее самолюбие.

– Ха, – хмыкнул Касьянин. – Если бы я знал...

– А кто же знает? – Марина не хотела упускать возможности обострить разговор и еще раз показать мужу если не его никчемность, то хотя бы бестолковость.

– И это мне неведомо, – беспомощно улыбнулся Касьянин.

– Знаешь что? Свое настроение будешь на работе показывать!

– И на работе тоже.

– Ну ты даешь, мужик! – Марина передернула плечом, некоторое время неподвижно смотрела в окно, и Касьянин видел, хорошо видел, как напряглись и побелели ее ноздри. И не возникло, нет, не возникло в нем ни малейшего желания успокоить жену, смягчить ее гнев, вообще как-то разрядить вдруг сгустившуюся в кухне атмосферу.

– Жизнь человеческая... – начал было Касьянин раздумчиво, наливая кипяток в чашку, но жена перебила его.

– Степан! – крикнула она в глубину квартиры. – Чай пьешь?

– Пью.

– Пельмени ешь?

– Ем.

– Сколько?

– Двенадцать.

– И мне двенадцать, – сказал Касьянин, хотя его никто об этом не спрашивал. – Так вот, жизнь человеческая – это яркий цветок на зеленом лугу...

– Пришел козел и съел! – закончила Марина мысль, которую Касьянин частенько высказывал за завтраком.

Степан молча сел к столу, придвинул к себе тарелку. Улучив момент, когда мать стояла, повернувшись к плите, легонько ткнул отца локтем в бок – держись, дескать. Касьянин в ответ толкнул сына под столом коленкой. Словно почувствовав что-то опасное для себя, Марина обернулась, подозрительно посмотрела на обоих, но лица отца и сына были совершенно непроницаемы, казалось, они даже не видели друг друга.

– Ну-ну, – сказала Марина, снова оборачиваясь к пельменям. – Про Яшку не забудьте.

Минут через сорок Касьянин, уже побритый и при галстукке, вышел на балкон. Солнце поднялось, выглянуло из-за соседнего дома, осветило двор. Яшка носился по траве, припадал на передние лапы, вскакивал, даже не пытаясь отбежать в сторону, – он прекрасно знал размер круга, который позволял ему описывать стальной тросик. Опершись на перила, Касьянин бездумно смотрел прямо перед собой, в сотни окон соседнего дома. В редакцию можно было не торопиться, он вообще мог прийти к обеду – надежные источники позволяли ему в течение часа собрать материал для нескольких заметок – где кого убили за прошедшую ночь, где кого изнасиловали, ограбили, подожгли, расстреляли... Но он не любил оставаться дома, это было тягостно.

Взяв рукоятку подъемного устройства, Касьянин вынул блокирующую щеколду и начал медленно вращать валик, выбирая свободно болтающийся тросик. Через несколько оборотов Яшка внизу почувствовал, что уже не может бегать легко и свободно. Он сразу присмирел, подполз к середине круга, по которому только что бегал, и, поскуливая сквозь зубы, прижался к траве. Тросик натянулся, Яшка оторвался от земли и, легонько раскачиваясь из стороны в сторону, начал медленно подниматься. Кто-то с балкона пятого или шестого этажа потрепал его за уши – Яшка еще нашел в себе силы благодарно махнуть хвостом.

Когда собака оказалась у самого колеса, через которое был переброшен тросик, Касьянин ухватился за кожаную упряжь и, приподняв Яшку над перилами, втащил на балкон. Почувствовав под ногами твердь, тот радостно взвизгнул и, не дожидаясь, пока Касьянин расстегнет все пряжки на его спине, бросился в квартиру.

На этом утренняя прогулка заканчивалась.

– Яшка! – крикнула с кухни Марина. – Жрать будешь?

Яшка понимал, о чем его спрашивают, и с такой скоростью несся на кухню, что его заносило на поворотах, он скользил брюхом по паркету, и уши его парили в воздухе.

К вечеру Касьянин уставал. Не потому, что у него было слишком много работы или она была слишком тягостной для него, вовсе нет. Редакция располагалась не так уж далеко – пятнадцать минут на троллейбусе и пятнадцать минут на метро. И отношения в газете сложились если и не дружескими, то вполне благожелательными. Никто никого не подсиживал, никто никому не завидовал. Касьянин не мечтал стать редактором, или ответственным секретарем, или еще там кем-то, его вполне устраивала работа, знакомые темы, привычные действующие лица – убийцы, насильники, прокуроры, следователи. Он прекрасно разбирался в их непростых взаимоотношениях, в обязанностях каждого, знал, о чем можно спросить в милиции, в суде, в прокуратуре, какой вопрос задать эксперту или случайному свидетелю.

И на его место тоже никто не зарился.

Но к вечеру он уставал.

И потому, вернувшись домой и скovyрнув с ног туфли, сбросив по пути пиджак и галстук, прямо в носках проходил в дальнюю комнату и со стоном падал на жестковатую кушетку.

Через некоторое время в дверях появлялась Марина. Минуту-вторую она стояла, прислонившись к шкафу и скрестив руки на груди. Потом, усмехнувшись, спрашивала:

– Что нового в большом мире?

– Что нового, – вздыхал Касьянин, не открывая глаз. – Значит, так... За прошедшие сутки угнано пятьдесят восемь машин, на дорогах погибло семь человек, изнасиловали старушку восьмидесяти трех лет...

– О боже, – произносила Марина и, бросив на мужа жалостливый взгляд, уходила на кухню. – Чай пьешь? – доносилось через некоторое время до Касьянина.

– Пью, – отвечал он почти неслышно и, полежав еще некоторое время, поднимался, брел на кухню, втискивался в свой угол между стеной и столом и, подперев подбородок кулаками, ждал ужина. На ужин были сосиски с тушеной капустой, чай с творогом, а кому этого было мало, тот мог съесть еще и вареное яйцо – они горкой лежали на тарелке. – Где Степан? – спросил Касьянин.

– Дружки увели.

– Надолго?

– Как получится... Яшку сегодня тебе выгуливать.

– Уж понял.

– Это хорошо, – кивнула Марина как бы про себя, как бы убедившись в том, что муж действительно ее понял, что бывает не всегда, ох не всегда.

А Касьянин, услышав последние ее слова, изумленно склонил голову набок, вскинул брови, наклонил голову в другую сторону. Он вполне осознал оскорбительность последнего замечания, знал причину. Когда он писал скандальные судебные очерки, когда его вызывали во всевозможные инстанции для объяснений, Марина чувствовала значительность мужа и вела себя иначе. Но сейчас, когда вечерами он мог рассказать лишь об изнасилованной старушке, о трупах на дорогах, о бандитских перестрелках, она ничего не могла с собой поделать, не могла скрыть свое горе. Да, это было горе, Марина все острее ощущала себя несчастной, обманутой, даже какой-то обобранной.

– Яйца ешь? – спросила она.

– Ешь, – механически отметил Касьянин.

– Ну и ешь на здоровье.

И эти слова зацепили его какой-то сознательной бесцеремонностью.

– Ты что-то сказала? – спросил Касьянин.

– О яйцах напомнила, – усмехнулась Марина.

– Чьих?

Марина обернулась от плиты, долго, даже как-то протяжно посмотрела на мужа.

– Хочешь меня достать? Не достанешь, Илья. Не дано.

– А кому дано?

Марина поставила на стол тарелку с сосисками, отдельно миску с капустой, блюдо с нарезанным хлебом, молча положила вилку, правда, чуть громче, чем следовало, с заметным вызовом, который Касьянин тоже заметил и оценил. Придвинув табуретку, Марина села на нее, сложила на столе руки и посмотрела Касьянину в глаза.

– Так что там со старушкой? – спросила она. – Бабуля получила удовольствие?

– К сожалению, этого не удалось установить.

– Почему?

– Ее задушили.

– Какой кошмар! – воскликнула Марина. – А как же ты узнал, что ее изнасиловали?
– Видишь ли, есть некоторые признаки, которые позволяют сделать такой вывод. Прежде всего...

– Ты хочешь прямо сейчас о них рассказать?

– Могу и попозже, – Касьянин пожал плечами и придвинул к себе миску с капустой.

– Приятного аппетита, – Марина поднялась.

– А ты не будешь?

– Я уже... Сериал начинается, – Марина показала глазами на часы.

– Как знаешь, – пробормотал Касьянин и не мог не отметить, что ему приятно побыть одному, не торопясь, перекусить перед тем, как отправиться на прогулку с Яшкой. Он и сам удивился, поймав себя на этом мимолетном чувстве – ему, оказывается, лучше ужинать в одиночку, нежели с женой. Как-то легче, беззаботнее. Приподнявшись, он прикрыл кухонную дверь плотнее, чтобы не слышать страстных, но каких-то придурковатых воплей и стонов южноамериканских красавиц и красавцев, которые вот уже вторую сотню серий выясняли свои отношения среди скал, у барных стоек, на белоснежных простынях, в квартирах, напоминающих затоваренные мебельные магазины.

Так уж сложилось, что выгуливать собак во дворе решались немногие – всегда находилось две-три старухи, которые, свесившись с балконов, орали о том, что, дескать, дышать нечем, что весь двор загажен, что только собаки могут радоваться жизни, а им на старости лет остается только вынюхивать собачье дерьмо.

Конечно, на все эти старушечьи крики можно было не обращать внимания, но для этого требовались силы, твердость духа, готовность проявить волю и непреклонность. Конечно, все это можно было в себе найти и утвердиться, но радости уже не было, не было той беззаботной, легкой радости, которая обычно накатывала на Касьянина, когда он уже в сумерках выходил из дома. Пока Яшка бесновался на коротком поводке, он не торопясь выводил собаку за пределы двора, пересекал широкую трассу, которая к этому времени освобождалась от машин, и углублялся в пустырь, на котором замерли в ожидании лучших времен несколько недостроенных домов.

Это были громадные, этажей на восемнадцать-двадцать, пустые, продуваемые сквозняками сооружения, напоминающие дырявые железобетонные скалы, в которых шла своя, достаточно своеобразная, напряженная жизнь. На лестничных пролетах, в квартирах-пещерах, на балконах, где так и не установили решетки, обитали юные наркоманы, сюда стайками залетали рано созревшие старшеклассницы, приходили и парами, бестрепетно совершая друг с другом все, к чему подготовила и для чего создала их природа. Здесь бомжевали бомжи, отсыпались после диких загулов главы семейств, заглядывали и вполне порядочные компании, чтобы без помех, без женских слез и старушечьих причитаний распить бутылочку-вторую-третью, поговорить о быстро несущейся жизни, которая не переставала радовать, удивлять, а в последнее время даже ужасать неожиданными превращениями.

Касьянин медленно сошел с бетонных ступенек подъезда и размеренно зашагал в сторону пустыря. Солнце уже опустилось к самому горизонту и сквозь дверные и оконные проемы брошенных домов вспыхивало иногда какими-то зловещими бликами. Красноватые лучи время от времени пересекали движущиеся тени, и это подтверждало, что в домах шла своя непонятная жизнь, что были они обитаемы, что их населяли люди странные и таинственные.

Касьянин давно привык к этим домам и почти не обращал на них внимания. Яшка изо всех своих собачьих сил тянул поводок, ожидая того счастливого момента, когда снимут с него ошейник и позволят промчаться по пустырю легко и освобожденно. Он уносился куда-то в сумерки, припадал на задние лапы, лаял заливисто и громко, словно всех приглашал присоединиться к нему.

И этот момент наступил.

Касьянин расстегнул пряжку ошейника, и Яшка тут же, в ту же секунду унесся в темноту, словно паря в воздухе на громадных своих ушах. По траве, среди брошенных бетонных блоков и плит перекрытий носились другие собаки всех мыслимых и немыслимых пород. Тут же медленно бродили хозяева – все давно перезнакомились друг с другом, все жили в соседних домах и собирались здесь едва ли не каждый вечер.

– Привет, Илья! – услышал Касьянин и, обернувшись, увидел Ухалова. – Как жизнь? Течет? – У того была наступательная манера разговора, он засыпал собеседника вопросами, на которые сам же и отвечал или же вываливал на голову несчастного такую гору сведений, цифр, дат, столько собственного гнева или восторга, что все это попросту подавляло. Во всяком случае, Касьянин лишь беспомощно втягивал голову в плечи и старался переждать безудержный напор соседа. Главное было выдержать первые минуты, потом он уже осваивался и мог иногда даже что-то произнести в ответ.

– Жизнь – она такая... Течет.

– Или вытекает?! – требовательно спросил Ухалов, пожимая Касьянину руку, требовательно пожимая, словно хотел убедиться, что тот живет правильно и ничего не утаивает.

– Можно и так сказать, – ответил Касьянин, дивясь брызжущей энергии соседа – тот жил на три этажа ниже, собаку завел совсем недавно, но на пустырь приходил больше покричать, пообщаться, а при случае и распить с кем-нибудь бутылку водки.

– А почему печаль в голосе? – возмутился Ухалов. – Жизнь и вытекать может радостно! Жизнеутверждающе! Как вытекает, например, Ниагарский водопад!

– Ниагара – это, пожалуй, слишком, – усмехнулся Касьянин. – Так, невидимый ручеек журчит в траве... Вот и вся жизнь.

– Ручеек?! – не то удивился, не то возмутился Ухалов так громко, словно был потрясен услышанным. – Ручеек? – переспросил он. – Значит, долго еще твоя жизнь будет вытекать! Не скоро закончится ее вытекание, а?!

– Дай бог, – Касьянин твердо придерживался своей линии в разговоре, пытаясь смягчить напор, погасить пожар, который бушевал в груди соседа. Ухалов тоже работал в какой-то газете, вел литературную страницу, во всяком случае, как-то был связан с искусством, и это постоянно прорывалось из него – ему не скучно было говорить о том, чем он занимался весь день на рабочем месте.

Был Ухалов обилен телом, можно сказать, полноват, одежды носил свободные, отчего казался еще крупнее, лицо имел румяное, но утонувшие в щеках маленькие глазки сверкали молодо и озорно. Он и говорил озорно, вызываясь, словно подталкивал собеседника к словам рискованным и отчаянным. И ведь получалось! Люди невольно включались в его тон, отвечали ему так же непродуманно и безответственно. А Ухалов радовался, веселился, чуть ли не подпрыгивал и опять, опять бросал в собеседника слова шальные и бестолковые.

Касьянин всегда радовался встречам с Ухаловым еще и по той причине, что гулять в сумерках на пустыре с беспомощным и добродушным Яшкой было попросту опасно. А вдвоем, да еще с таким объемным человеком, как Ухалов, было куда спокойнее, надежнее. Свиристые банды подростков обтекали их, не принося вреда, не задевая и не пытаясь попросить сигаретку. С некоторых пор попросить закурить означало или же «Пойдем, дяденька, в дом, пообщаемся на матрасе», если сигарету просила девчушка, или же «Отдай, дяденька, кошелек» – если закурить просил юноша. Бомжи приставали, алкоголики, но эти были самые простодушные и безобидные.

– Мужик, не поверишь, трубы горят – спасу нет, – говорил человек с красными глазами. – Дай пятеру – от смерти спасешь!

И Касьянин с легким сердцем отдавал пять тысяч, три тысячи, тысячу – больше не просили. Да и пятерку у него попросили один только раз. Алкаш, видимо, и сам изумился своей

наглости, а когда Касьянин протянул ему пять тысяч, даже голову склонил озадаченно и признательно.

– Может, присоединишься? – спросил он. – У нас тут рядом, – алкаш кивнул в сторону серой громады дома, сквозь оконные проемы которого уже просвечивали звезды и этажи были залиты неверным лунным светом.

– Я уже в порядке, – отмахнулся Касьянин.

– Ну, тогда дай тебе бог здоровья! – алкаш подмигнул. – А остальное, как говорится, купим.

Ухалов шел чуть впереди, пружинисто шел, сунув руки в карманы просторных штанов, на нем развевался свободный, без подкладки пиджак, на ногах болтались шлепанцы, в которых он, похоже, ходил и по квартире.

– Не понимаю! – он так резко обернулся к Касьянину, что тот даже отшатнулся от неожиданности. От Ухалова пахло жарким сильным телом и легким, почти неуловимым запахом водки. – Не понимаю! – повторил он.

– Кого?

– Да этих вот слабаков!

– Каких? – покорно спросил Касьянин – он уже привык к тому, что ему оставалось только уточнять, переспрашивать, удивляться. Ухалов, кажется, сознательно так выстраивал свои слова, что Касьянин просто вынужден был задавать такие вот бестолковые вопросы – кто, когда, где, зачем, почему...

– При большевиках они, видите ли, не могли писать искренне и сильно, потому что цензура, мать ее за ногу, подавляла их вольнодумные устремления. А писать плохо, угодливо они не желали. Их цели были высоки, чисты, возвышенны!

– Бывает, – кивнул Касьянин.

– А теперь, когда большевиков и след простыл, когда разогнали цензуру, когда никто не мешает писать смело, дерзко и сильно, они опять недовольны! Им опять плохо!

– Надо же, – пробормотал Касьянин, не решившись даже поинтересоваться, кого с таким гневом клеймит его вечерний попутчик.

– Теперь им еще хуже! Потому, видите ли, что литература сделалась коммерческой, издатели хотят во что бы то ни стало продать книги и вернуть затраченные деньги! А их устремления опять никому не нужны!

– Кошмар какой-то, – сочувственно произнес Касьянин.

– Я спрашиваю – а вы представляете себе общественное устройство, когда ваш чистый слог, ваши возвышенные мысли, когда ваши дерзкие и чистые призывы будут услышаны и востребованы?! Спрашиваю я у них!

– А они?

– Обижаются!

– Пусть пишут детективы, – Касьянин пожал плечами. – Детективы вполне допускают и возвышенные мысли, и нравственную чистоту. Опять же есть уверенность, что их услышат... А издатели примут их творения с восторгом... А?

– Детективы их унижают. Это плохая литература. Подлая, можно сказать. Они преданы литературе серьезной. Той, которая говорит о вечном. Понял?! О вечном надо писать.

– Да, тут не возразишь, – Касьянин потрепал за уши подбежавшего Яшку и подтолкнул его – беги, дескать, бегай, пока можно. – Я вот подумал...

– Я каждый день с ними ругаюсь!

– Так вот я подумал, – настойчиво повторил Касьянин, и Ухалов понял, что надо хоть на минуту замолчать. – Столько было у нас совсем недавно корифеев очень серьезной литературы, прижизненных классиков, лауреатов всех возможных и невозможных премий... Они писали действительно о вечном – о председателях колхозов, о партторгах, о людях, до конца

преданных идеям возвышенным и бескорыстным... Они владели умами миллионов, их изучали в школах, а литературные газеты и журналы посвящали им не то что статьи, им посвящали целые номера... Портреты, плакаты, открытки, школьные сочинения, полотна художников, фильмы и спектакли...

– Ну? – не вытерпел Ухалов. – Ну? Ну?!

– Где все это? – негромко спросил Касьянин. – Где эти творцы вечного, создатели нетленного, властители умов? Где их великие произведения?

– Ха! – воскликнул Ухалов азартно.

– Заметь, я говорю не о прошлом веке, я говорю о прошлом десятилетии...

– Ха!

– Так вот, отвечаю на собственный вопрос – как выяснилось при ближайшем рассмотрении, это была макулатура. А детективы выжили, окрепли и сейчас несут тяжкий груз большой литературы.

– Какой еще тяжкий груз?

– Решают вопросы философские, нравственные, социальные, политические, демографические... Худо-бедно, но решают, тянут воз. В меру сил и разумения авторов. Это и скажи своей шелупони, которая, как корова из анекдота, никак не отелится. Пора телиться. Но не смогут!

– Почему?

– По той простой причине, что внутри у них ничего не завелось. Они не беременны. В брюхе у них пустота, Миша. В голове тоже. Яшка! Яшка! – крикнул Касьянин, осознав вдруг, что уже наступила темнота и над лесом, за который недавно опустилось солнце, осталось лишь еле заметное розоватое зарево. Друзья и не заметили, как миновали все три недостроенных дома и теперь перед ними была лишь темная опушка леса.

– А где же мой охламон? – озадаченно спросил Ухалов. – Что-то я его не вижу... Фокс! – крикнул он тонким сипловатым голосом. – Фокс!

В свое время Ухалов, не долго думая, дал собаке кличку по ее же породе – поскольку это был фокстерьер, значит, и кличка у него должна быть Фокс. Он и Касьянину предлагал переименовать собаку в Кокера, но не позволил Степан, который уже сроднился с Яшкой.

– Он, кажется, к тому дому побежал, – Касьянин указал на ближайшую бетонную громаду. – Как бы дети его не приманили.

– Пойду вызволять, – и Ухалов решительно шагнул в темноту. – А ты обойди дом с той стороны!

Касьянин остался один.

Собачников вокруг уже не было, похоже, Касьянин с Ухаловым слишком заболтался и как-то незаметно выпустил из-под контроля минут тридцать-сорок. Это время промчалось совершенно неуловимо. Где-то на седьмом-восьмом этаже дома возник неясный свет, красно-вато-желтые блики пробежали по стенам – видимо, обитатели этого жутковатого сооружения разожгли костер, как это делали в пещерах их далекие предки. Отсюда, снизу, было видно, как мелькали по стенам искаженные тени, изредка доносились невнятные звуки, может быть, даже смех, там шла жизнь таинственная и недоступная для людей обеспеченных, устроенных и сытых. Потом возник такой же слабый и неверный свет на третьем этаже – там тоже собиралось у костра какое-то племя, там тоже теплилась жизнь.

Касьянин оглянулся, позвал Яшку. В темноте раздался шорох, частое дыхание, и прямо под ноги Касьянину выкатился радостно-рыжий клубок. Наступила ночь, и Яшка далеко не отбежал, он был тут же, в траве. Нашупав его у ноги, Касьянин надел на собаку ошейник, застегнул пряжку, оглянулся.

Ухалова нигде не было. Видимо, он завернул за дом, потому что даже в поздних сумерках можно было рассмотреть его светлый пиджак, он выделялся бы неясным светлым пятном.

– Миша! – позвал Касьянин. – У-ха-лов!

Ответа не было.

И тогда, повернувшись, Касьянин медленно побрел к своему дому, который к тому времени уже сверкал разноцветными окнами. Яшка устало семенил рядом и уже не тянул поводок, не стремился унести в темноту, чтобы уткнуться мордой в пожухлую траву и вынюхивать, вынюхивать запахи острые и соблазнительные, запахи, которые пробуждали в Яшке охотника, добытчика.

В этот момент все и началось.

Касьянин уже видел освещенную дорогу, уже высматривал место, где удобнее пересечь ее, чтобы оказаться поближе к дому, как вдруг услышал сзади тяжелое учащенное дыхание. Обернувшись, он сразу, боковым зрением, заметил несущийся на него сгусток темноты. Это была какая-то большая собака, явно больше Яшки в несколько раз. Причем бежала она молча, без обычных заигрывающих повизгиваний. Касьянин подтянул Яшку к себе поближе, сделав поводок совсем коротким.

Собака, которая приближалась из темноты, явно была спущена хозяином сознательно. Касьянину было ясно и то, что бежит она напрямик на Яшку. Все это пронеслось у него в голове без мыслей, мгновенно. Все дальнейшее произошло быстро, даже как-то одновременно – Яшкин визг, злобный хрип собаки, впившейся ему в шею, и в тот же миг нога Касьянина как бы сама собой устремилась вперед. Похоже, он попал собаке под дых. Она жалобно взвизгнула, отпрыгнула в сторону и тут же снова бросилась на Яшку, решив, видимо, что отпор получила от него. И опять Касьянин уже обдуманно, прицельно выбросил ногу вперед.

И опять удачно.

Собака, видимо, получила чувствительный удар, потому что, отпрыгнув в сторону с жалобным визгом, больше не делала попыток напасть.

Но неожиданно возникла новая опасность. Не было ни криков, ни угроз, но опасность Касьянин ощутил сразу. Так бывает, что-то срабатывает в человеке, что-то позволяет ему почувствовать угрозу до того, как он осознает ее, обдумает, примет решение.

Из темноты не торопясь, размеренно приближался человек. Он был в темном, поэтому, как и собака, казался сгустком темноты. Касьянин хотел было продолжить свой путь к освещенной трассе, но тогда ему пришлось бы повернуться к человеку спиной. Он понимал, что делать этого нельзя, будет еще хуже.

– Ты что же, сучий потрох, с собакой делаешь? – прозвучал в темноте голос негромкий, без злобы, без напора, но именно спокойствие незнакомца заставило Касьянина в полной мере ощутить опасность. Он уже знал этот тон, эту уверенность в бесконечной своей правоте и готовность поступать как только заблагорассудится. И выражение «сучий потрох» он тоже знал.

– Так она вроде сама напала, – проговорил Касьянин, с отвращением сознавая, что голос его сделался каким-то заискивающим. – Моя-то собака немного поменьше...

– Да? Поменьше, говоришь? – в голосе незнакомца прозвучал даже вопрос, будто он и сам засомневался в своей правоте. Но то, что это не так, Касьянин ощутил в следующий же миг – мощный и невидимый в темноте удар в лицо свалил его наземь.

И тут же он услышал отчаянный визг Яшки.

– Ты что, ошалел? – проговорил Касьянин, явно не ожидавший столь скорой и суровой расправы.

– Я из тебя бифштекс сделаю, понял? Бифштекс с кровью, пидор ты позорный, – голос был все так же негромок, вроде даже какая-то рассудительность звучала в нем.

И тут же Касьянин не столько почувствовал, сколько понял – удар ногой в лицо. Были еще удары, но их он уже не чувствовал.

В сознание Касьянин пришел от настойчивого Яшкиного повизгивания. Пес лизал ему лицо, тихонько дергал за поводок, на какое-то время затихал, потом снова принимался за свое,

надеясь привести хозяина в чувство. Касьянин открыл глаза и тут же почувствовал тяжесть век – они были непривычно тяжелыми, какими-то громоздкими, и все лицо его налилось тяжестью.

– Ни фига себе, – пробормотал он, не двигаясь. И через некоторое время повторил: – Ни фига себе...

Над головой простиралось летнее звездное небо, в окнах пустого дома полыхали отблески костров, справа, со стороны шоссе, время от времени доносился шум проносящихся машин. Судя по тому, как редко проезжали машины, Касьянин понял, что уже поздно, далеко за полночь. «Сколько же я здесь пролежал?» – подумал он. Часа два, это уж точно. Он попытался припомнить события, которые произошли с ним в этот вечер. Ухалов... Что-то он плел о литературе... Потом костры в доме, Ухалов ушел, потом...

И только тогда Касьянин вспомнил несущийся на Яшку ступок темноты, медленно наплывающий на него человеческий контур... Как же он обозвал меня... Да, сучий потрох... Зэковское ругательство, понял Касьянин, хорошо знакомый и с жаргоном, и с манерами людей, отсидевших какое-то время за проволокой. И еще он что-то сказал... Да, бифштекс с кровью... Это уже явно литературное... Но «сучий потрох», «пидор позорный» – зэковское.

Касьянин перевернулся со спины на живот, с трудом поднялся на четвереньки, потом сел. Лицо от напряжения налилось кровью. Он осторожно коснулся щек, подбородка, лба. Все было покрыто тяжелыми, непривычными буграми. Боли не было, но бугры были такого размера, что он не ощущал линии лба, не мог прощупать скул. И глаза... Сначала ужаснулся – он ничего не видел. Касьянин повернул голову в одну сторону, в другую, вокруг была темнота. Справа было шоссе, он догадался об этом по шуму проезжающих машин, но самих машин, шоссе, огней над дорогой не видел.

Подняв руку к глазам, он осторожно ощупал их. Глаз не нашел, были лишь податливые мягкие бугры. Когда Касьянину удалось пальцами раздвинуть припухлости, он с облегчением увидел освещенное шоссе и высотные дома. Значит, глаза уцелели.

Поднявшись с четверенек, Касьянин шагнул было к домам, но почувствовал, что Яшка за ним не идет – поводок натянулся, однако Яшка с места не двигался. Он лишь заскулил негромко, словно просил прощения за свою неподвижность. Касьянин наклонился и в темноте ощупал собаку. Когда он коснулся ушей, пальцы его наткнулись на липкую жидкость, а стоило ему дотронуться до лапы, Яшка взвизгнул от боли.

– Похоже, нам обоим досталось... Надо же... – пробормотал Касьянин.

Взяв Яшку на руки, стараясь не прижимать поврежденную лапу, Касьянин попытался раскрыть глаза – сквозь узкую щелочку он увидел свет над дорогой. Осторожно ступая, чтобы не наткнуться в темноте на обрезок трубы, обломок плиты, на кучу битых кирпичей, двинулся к домам.

– Представляю свою физиономию, – пробормотал он. – Теперь меня только по собаке можно узнать...

И действительно, едва открыв дверь, Марина в ужасе отшатнулась от изуродованного, оплывшего лица Касьянина, и взгляд ее, скользя вниз, остановился на собаке.

– Яшка, – пробормотала она растерянно. – Что с тобой?!

Мужа она не узнала.

Марина уложила Касьянина на диване в большой комнате, вызвала «Скорую помощь», сходила к соседям за йодом. Все это она проделала быстро, решительно, немногословно, но мелькала, все-таки мелькала время от времени на ее губах усмешечка – дескать, надо же, как мужика угораздило.

– Ты что, поддал там? – спросила она наконец, остановившись у дивана.

– Нет.

– Один был?

- С Ухаловым.
- И не поддали?
- Нет.
- А он? Выжил?
- Не знаю... Позвони.

Марина постояла некоторое время, словно прикидывая, нет ли в просьбе мужа провокации, не уронит ли она себя этим звонком. Но к телефону подошла и медленно, все еще колеблясь, набрала номер.

– Ухалов? – требовательно спросила она.

– Ну? Ухалов.

– Жив?

– Кто говорит?

– Касьянина. Мариной меня зовут.

– А, Мариночка! – обрадовался Ухалов. – Прости, не узнал твоего божественного голоса!

– Это сколько же божественных голосов тебе звонят, если мой не узнал?

– Позванивают иногда, позванивают, – рассмеялся Ухалов. – А что Илья? Он уже вернулся?

– Будет жить.

– Не понял?

– Докладываю... Илья пришел домой пять минут назад. Ты вот мой голос не узнал, а я его самого не узнала. Только по Яшке и догадалась, что это Касьянин. Морда – сплошной синяк, глаза не смотрят, язык не ворочается. Весь в кровище.

– Подожди, подожди, – зачастил Ухалов. – Ему что – по физиономии врезали?

– Миша, ему так врезали, как еще никогда не врезали. Я вызвала «Скорую помощь» – вдруг, думаю, у него и череп проломлен, вдруг челюсти перебиты... Ногами его били. Кулаками такое с человеком сделать невозможно.

– Иду, – коротко ответил Ухалов и положил трубку.

Он вошел через пять минут настороженно, даже недоверчиво – уж не разыгрывают ли его, уж не затеяли ли соседи посмеяться над ним на ночь глядя. Но когда он увидел изуродованного друга, замер и побледнел. За прошедшее время касьянинское лицо еще больше налилось, появились синюшные пятна, глаза заплыли настолько, что даже щелочек не было видно.

Ни стонов, ни слов Касьянин не произносил, он был в шоке и пытался лишь понять происшедшее. Недовольства, обиды, гнева – ничего этого не было и в помине. Похоже, чисто физическое насилие подавило его дух, и ко всему случившемуся он относился, как, к примеру, если бы упал в лужу, подвернул ногу, неожиданно оказался под проливным дождем.

– Илья, – проговорил, наконец, Ухалов без обычного своего напора. – Ты как? Живой?

– Местами, – заплывшая маска, в которую превратилось лицо Касьянина, чуть дрогнула – изобразить улыбку он так и не смог.

– Кто тебя, Илья?

– Не знаю, – слова у Касьянина получились какими-то смазанными, звуки, которые он произносил, тоже казались измятыми, изломанными, искореженными. – Не видел.

– Сзади напали?

– Темно было... У него собака большая, черная... На Яшку натравил... Я вступился...

– Он из нашего дома?

– Вроде нет.

– А ты не слышал, как он свою собаку звал?

– Не помню... Может, никак не звал...

– Но он хоть что-то сказал? Угрожал, обещал добавить?

– Матерился.

– Хоть грамотно матерился-то?
– Ничего... Доступно... Сучий потрох, пидор позорный... Так примерно. Сделаю, говорит, из тебя бифштекс с кровью.
– Но это не мат!
– Знаю... Зэковский жаргон.
– Но это же улика! – радостно заорал Ухалов.
– Улика, – шепотом откликнулся Касьянин. Он устал от разговора и потерял к нему интерес.

- Мы его найдем.
- Зачем? – кровавая маска на лице Касьянина чуть шевельнулась.
- Такие вещи нельзя оставлять безнаказанными.
- Их нужно оставлять безнаказанными.
- Что ты несешь, Илья!
- Я знаю, Миша... Это не мое желание, не моя слабость... Это другое.
- Что другое?
- Закон.
- Нет такого закона!
- Закон выживания, – проговорил Касьянин чуть слышно. – Закон выживания.
- Я дам тебе пистолет! Сейчас нельзя без пистолета.
- «Парабеллум»? – маска чуть заметно дрогнула.
- Да, «парабеллум!» – решительно заявил Ухалов. – И ты будешь отстреливаться.
- До последнего патрона, – сказал Касьянин и потерял сознание.

Приехала «Скорая помощь», Касьянину дали понюхать какой-то гадости, он очнулся, но к тому времени лицо его заплыло еще больше, и он не увидел ни парней в белых халатах, ни встревоженной Марины, которая тем не менее находила в себе силы иногда усмехаться, словно извиняясь перед посторонними людьми за то дурацкое положение, в котором оказалась.

- Мужик, – санитар коснулся руки Касьянина. – Ты как? Живой? Меня слышишь?
- Слышу.
- Как себя чувствуешь?
- Прекрасно... С каждым годом все лучше.

– Ну ты даешь, – санитар растерянно оглянулся на напарника. Тот тоже развел руками.

Подошел врач, молча посмотрел на распростертого Касьянина, сделал укол, брызнув предварительно из иглы маленьким фонтанчиком.

- Что это? – спросила Марина.
- Для порядка... Против столбняка. Забирать его надо.
- Может, ему лучше дома отлежаться?

– А вдруг череп проломлен, а вдруг кости смещены, а вдруг... Дальше продолжать? – врач усмешливо посмотрел на Марину. Был он невысок ростом, рыжий, худой, но к Марине сразу проникся каким-то добрым чувством, как будто встретил своего человека там, где и не надеялся.

– Ну что ж, – сказала Марина. – Если надо – забирайте. Может, заодно и собаку посмотрите?

- А что с собакой?
- Ей тоже досталось... Подверглась бандитскому нападению.

Врач наклонился над лежащим на подстилке Яшкой, ощупал уши, провел рукой по ребрам, а когда коснулся задней лапы, Яшка взвизгнул.

– Я вообще-то в этом деле темный, но сдается мне, что задняя лапа у него перебита, – врач обернулся и, посмотрев на Марину, усмехнулся каким-то своим мыслям. – Сейчас уже поздно, а завтра с утра советую к ветеринару.

- А поздно не окажется?
- Совершить доброе дело никогда не поздно, – опять усмехнулся врач. Он подошел к Касьянину, тронул его за руку. – Мужик! – обратился он к нему точно так же, как недавно санитар. – Ты как, идти сможешь?
- Смогу.
- Руки-ноги целы?
- Вроде...
- А то у твоей собаки с лапой не все в порядке.
- Я слышал.
- Тогда все... Ребята, – обратился он к санитарам, – помогите ему подняться, сведите вниз и в машину.
- Мне с вами? – спросила Марина.
- А зачем? Ночь промаетесь, толку от вас все равно никакого.
- Может, мне поехать? – вызвался Ухалов, который все это время молча стоял в стороне и только вертел головой, поворачиваясь в сторону говорившего. – Все-таки вместе собак выгуливали...
- Похоже, у вас это лучше получилось, – врач усмехнулся, показав желтые прокуренные зубы. – Как вы-то уцелели?
- Да я отлучился, свою собаку пошел искать, тут, наверное, все и произошло...
- Хорошая у вас собака, знает, когда нужно слинять... Нет, не надо. Назад вернуться не сможете, транспорт уже не ходит... Приходите утром. Вот телефон, вот адрес, – врач подошел к столу, взял газету и в верхнем свободном от текста углу нацарапал несколько строк. – Мужик ваш вроде в порядке... Тошноты нету? – повысил голос врач.
- Нет, – неуверенно ответил Касьянин. Слова он выговаривал с трудом, да и внятность оставляла желать лучшего – его распухшие окровавленные губы еле шевелились.
- Это хорошо, – сказал врач весело. – Так и запишем – покойничка не тошнило.
- Какого еще покойничка? – не поняла Марина.
- Анекдот такой есть, – рассмеялся врач, на которого, похоже, изуродованный Касьянин не произвел слишком уж большого впечатления, он наверняка видел больных и похлеще. – Приходит врач домой к больному, а того уж хоронят. Врач спрашивает: покойничек потел перед смертью? Потел, отвечают, обильно потел. Это хорошо, говорит врач, это очень хорошо.
- Да, – кивнула Марина. – Смешно. Остроумно. Мне нравится.
- Не советую приходить завтра слишком рано, – врач, видимо, и сам понял, что анекдот рассказал не самый уместный. – После обхода. Ваш муж будет на втором этаже в травматологическом отделении. Заведующий – Сергей Николаевич. К нему и обратитесь. Он мужик ничего, все доложит, как есть. Всего доброго. Не унывайте. Несмотря на то, что физиономия у вашего мужа достаточно помятая, по опыту могу сказать, что самого страшного не случилось.
- А что вы называете самым страшным? – вмешался Ухалов.
- Я уже говорил – проломленный череп, перебитая челюсть... Ну и так далее. Мужик разговаривает, тошноты нет, значит, возможно, и сотрясения мозга тоже нет. Кстати, он был трезв?
- Да, – твердо сказал Ухалов.
- Это плохо.
- Почему?
- Пьяные мягче, податливее, и потому удары по ним всегда оказываются как бы смазанными, как бы по касательной. Пока!
- Врач помахал маленькой ручкой, заросшей рыжими волосами, подхватил свою хромированную кастрюлю и, уже не задерживаясь, быстро вышел из квартиры.

Следующие две недели для Касьянина прошли спокойно и размеренно. Он лежал в палате, где, кроме него, маялись от различных травм еще пять человек, в основном молодые ребята. Самое неприятное, что было в его новой жизни, это сопалатники – они ставили в магнитофоны какие-то сумасшедшие записи, надсадно хохотали, показывая, как презирают собственные раны, какие они все мужественные и отчаянные. К ним приходили девушки, которые тоже хохотали громко и хрипло, видимо, желая доказать своим ребятам, что ни в чем им не уступают. У одного было ножевое ранение, второго сшибла машина, третий, постарше, свалился с крыши, сломав себе при этом несколько ребер. Но в основном жизнь протекала без приключений, и постепенно из кровавой распухшей маски проступало несчастное, но узнаваемое лицо Касьянина.

Приходили из редакции, приносили мандарины, соки, даже котлеты приносили, чему Касьянин радовался больше всего. Редактор Осоргин пришел с небольшой бутылочкой коньяка и тут же выпил ее с потерпевшим. И лишь, сунув пустую бутылку редактору в чемоданчик, Касьянин обнаружил, что она была не так уж и мала – пол-литровой оказалась бутылочка. Но пошла хорошо.

– Ты вот что, Касьяныч, – сказал редактор – молодой, настырный, со своими очень правильными представлениями о том, как должен вести себя настоящий журналист, как должен выражаться, что пить, какие слова при этом употреблять. – Ты вот что... Не вздумай задерживаться. Понял? Кости целы, зубы тоже на месте, слава богу. Я разговаривал с лечащим врачом и теперь знаю о тебе больше, чем знаешь ты сам. У нас беда... Без твоих криминальных заметок тираж упал. В электричках совсем не берут, на прилавках первым делом ищут твою бандитскую колонку. Понял? Мы в редакции стерпим твой внешний вид, женщины тебе такой марафет наведут, будешь краше прежнего. С понедельника выходи. Можешь даже о себе заметку написать.

– Зачем? – не понял Касьянин.

– Как зачем? Во-первых, это криминальная тема, твоя, между прочим, тема. И материал уже собран. Нашим читателям будет полезно знать, что и мы живые люди, что и мы подвергаемся смертельному риску, когда собираем материал для газеты.

– Я собаку выгуливал, – попытался возразить Касьянин.

– Об этом можешь умолчать.

– И потом... Я не знаю, кто на меня напал.

– Ведется следствие. Я звонил в милицию, пообещал прославить все отделение, если найдут злодея. Так и напиши – ведется следствие, весьма успешно, милиция уже вышла на след преступников, но в интересах дела фамилии пока называть не считает нужным.

– Тогда тот подонок меня найдет и еще добавит, – серьезно сказал Касьянин.

– Это, Касьяныч, как написать, понял? Ты же мастер слова, ты профессионал высокого класса. Ты можешь написать так, что ни одна собака ничего не учует, – Осоргин твердо посмотрел на Касьянина.

– Собака, может, и не учует...

– Значит, так, – редактор поднялся, окинул молодым, требовательным взором притихших сопалатников, откинул назад волосы, поправил галстук. – Ждем. С нетерпением. Так себе и заруби на своем похорошевшем носу – без тебя загибаемся. Ставку тебе повысили, будешь получать больше.

– Это хорошо, – живо откликнулся Касьянин. – Намного?

– Не о том думаешь, Касьяныч, – назидательно подняв указательный палец, произнес Осоргин. – Важно внимание. А тебя, я смотрю, алчность тут обуяла. Нехорошо.

– Ладно, – Касьянин махнул рукой. – Вы только не забудьте к моему возвращению.

– О чем?

– Что зарплату повысили.

– Не о том думаешь, Касьяныч, – повторил редактор уже в дверях. И приветственно махнув рукой всей палате, подмигнув Касьянину, осторожно закрыл за собой дверь.

Пришел проведать друга и Ухалов.

– Илья! – заорал он с порога. – Тебя уже можно узнать! Теперь я хотя бы вижу, к кому пришел, чьему выздоровлению радуюсь!

– Спасибо.

– Хотел было притащить Яшку, тебе, думаю, было бы приятно увидеть родственную душу, а?

– И что же?

– Не пустили! Представляешь, какие нравы, какие суровые безжалостные порядки заведены здесь!

– Как Яшка? – спросил Касьянин.

– Уже ходит. Твой Степан выносит его во двор, чтобы он мог погадить. Знаешь, как он, бедный, страдает оттого, что не может погадить там, где привык! А в квартире не позволяет собачья совесть! А мой Фокс пропал, – печально проговорил Ухалов. – Увели какие-то подонки. В тот самый вечер и пропал. Можешь считать, что мы с тобой оба пострадавшие. И еще неизвестно, кто пострадал больше!

– Надо же, – обронил Касьянин. Все-таки он был еще слишком слаб и явно не поспевал за словами Ухалова, не мог откликаться на все, что тот выкрикивал. Его хватало лишь на такие вот необязательные словечки. Сотрясение мозга у Касьянина все-таки было, и тошнота была, и рвота, и обилие всевозможных таблеток, какие-то уколы, которые чаще кололи не в вену, а рядом, принося совершенно невыносимые страдания. Но сестры, промахнувшись, выдавив какую-то заразу мимо вены, весело смеялись, дескать, главное, что зараза, которая была прописана, оказалась там, где ей и положено быть, – в организме.

Замолчав на полуслове, Ухалов опасливо оглянулся по сторонам и, убедившись, что никто не обращает на него внимания, приоткрыл полу пиджака.

– Смотри сюда! – произнес он шепотом.

Сначала Касьянин не понял, в чем дело, и, лишь присмотревшись, в полумраке палаты увидел торчавшую из бокового кармана пиджака Ухалова темную рукоятку револьвера. Рукоятка была соблазнительно изогнута, поблескивала облагороженным металлом, а карман отдувался, безошибочно показывая место, где находится барабан.

– Каково? – спросил Ухалов восторженным шепотом.

– Потрясающе!

– Дарю!

– Прямо сейчас?

– Почему бы и нет!

– Думаешь, здесь пригодится? – спросил Касьянин, терзаясь двойственными чувствами – ему хотелось взять пистолет, взвесить его на ладони, ощутить его холод и изысканные линии, но понимал он и то, что все это блажь, что больничная палата не место для таких игрищ, что Ухалов опять куражится, втягивая его в свой сомнительный и рискованный мир.

– Здесь? – Ухалов шало оглянулся и, словно убедившись, что применить оружие в палате вряд ли придется, немного поскучнел. Но тут же снова воспрянул, и глаза его сверкнули каким-то сатанинским огнем. – Да, действительно... Но хотя бы подержать, а? Пусть он почувствует руку хозяина, а?

– Разве что, – согласился Касьянин вроде бы уныло, но на самом деле что-то радостно вздрогнуло в его душе, что-то напрялось, как бывало в детстве в ожидании праздника. – Давай, так и быть!

– Во! Это по-нашему! – Ухалов опять оглянулся, ссутулился, спрятав ото всех внутренний карман пиджака, и принялся выдергивать оттуда револьвер. Барабан зацепился за под-

кладку, потом предохранитель зацепился за петлю, но в конце концов Ухалов своего добился и, вырвав револьвер из кармана, протянул его Касьянину рукояткой вперед. – Держи!

Касьянин не мог, не мог не почувствовать добротность изделия. Все в нем было подогнано, совмещено и согласованно. И черный цвет, и насечка на рукояти, и массивный барабан, и коротковатый ствол с мушкой на конце.

– Что скажешь? – спросил Ухалов, ожидавший, видимо, воплей восторга и радостной пляски Касьянина.

– Ничего игрушка... Убедительная. Газовый?

– Газовый, – неохотно подтвердил Ухалов. – Но знаешь... Как отнестись...

– Не понял? – проговорил Касьянин, не отрывая взгляда от револьвера – он прямо впился в его ладонь, все его выступы и впадины нашли на ладони свои заветные уголки, и револьвер, похоже, просто не желал расставаться с ладонью Касьянина.

– Дело вот в чем, Илья... Эта машинка шестизарядная... Вряд ли тебе когда-нибудь понадобится сделать больше шести выстрелов. А если понадобится, то вынешь патроны из кармана и зарядишь снова. Но тут маленькая особенность... Патроны в барабане расположены не просто так... Первые два – обычные шумовые. Грохот, огонь из ствола, страх и ужас. Два следующих – газовые. Противник отброшен, воеет от боли и бессилия, задыхается, раздирает себе морду собственными когтями.

– Ногтями, – поправил Касьянин.

– Когтями! – повысил голос Ухалов. – После твоих выстрелов его хилые ногти превратились в когти, потому что только когтями можно драть себе морду после твоей газовой атаки.

– Понял, – кивнул Касьянин. – А последние два патрона?

– Мелкая дробь. Но это для тебя она мелкая, а для злодея, который осмелится в следующий раз напасть под покровом ночи, дробь произведет впечатление картечи! Страшной кабаньей картечи, которая крошит ребра и вылетает с противоположной стороны тела, оставляя за собой дыру размером с футбольный мяч.

– Круто! – проговорил Касьянин, возвращая револьвер Ухалову.

– Понравился? – заговорщицки прищурившись, спросил Ухалов.

– Да, – ответил Касьянин, помедлив, не сразу ответил, не бездумно.

– Берешь?

– Если не передумаешь.

– Заметано! – Ухалов так обрадовался, словно ему самому подарили что-то чрезвычайно ценное. – Придешь ко мне после больницы и тут же требуй – где мой черный пистолет? А я, не задумываясь, отвечаю – а вон лежит, тебя дожидается. Ты как? – Ухалов большим и указательным пальцем показал расстояние, равное примерно одному большому глотку. – А?

– Знаешь, даже не хочется, – Касьянин извиняюще прижал руку к груди. – Что-то я здесь маленько захирел.

– Будем выкарабкиваться! – уверенно заявил Ухалов и ловким движением полноватой руки вынул из второго внутреннего кармана пиджака две маленькие бутылочки коньяка, два мерзавчика. – Тут такое количество, что стакан даже не требуется. Свинчивай головку и пей прямо из горла, как в молодые годы!

– Откуда ты знаешь, как я пил в молодые годы? – подозрительно спросил Касьянин.

– В молодости все пьют одинаково! Бутылка портвейна на двоих в кустах из горла и – через забор на танцплощадку!

– А ведь было, – озадаченно протянул Касьянин и, увлекшись давними воспоминаниями, сам того не замечая, свинтил крышечку и в задумчивости выпил коньяк.

На следующий день в палату пришел следователь.

Едва этот человек заглянул в дверь, Касьянин сразу догадался – по его душе.

Так и оказалось.

И следователь тоже узнал его, сразу направился к его кровати – видимо, перед этим поговорил с врачом. Был этот человек высок, в сером заношенном костюме, какой-то рубашке, каком-то галстуке. И еще – он был лыс, а светлые прядки волос, которые беспомощно протянулись от одного уха к другому, не столько прикрывали лысину, сколько ее подчеркивали. Так чулки на женщине или прозрачная рубашка не столько прикрывают тело, сколько его обнажают.

В руках у следователя была клеенчатая затертая папочка с хлястиком, который застегивался на кнопочку. Несмотря на возраст, кнопочка эта работала, соединяла две половинки папочки, чтобы они не распахивались и чтобы не вываливались из нее бумаги чрезвычайной важности.

– Илья Николаевич? – улыбнулся следователь, остановившись у кровати.

Его улыбка Касьянину неожиданно понравилась. Была она простой, чуть ли не доверчивой, и зубы у следователя были все свои, все на месте и все здорового белого цвета. В свете этой улыбки как-то погасла и исчезла лысина, прядки волос за ушами, серый потрепанный костюм сделался естественным, вроде ни в чем другом следователь и не мог появиться.

– Он самый, – ответил Касьянин и тоже улыбнулся, как сумел.

– Иван Иванович Анфилогов, – представился лысый человек с молодой улыбкой и крепко пожал руку Касьянину. Ладонь у следователя оказалась сильной, прохладной, сухой. – Я из милиции.

– Да уж догадался.

– Вы как, поднимаетесь?

– Когда прижмет – поднимаюсь, – улыбнулся Касьянин.

– У вас тут есть где поговорить?

– В конце коридора, – Касьянин встал, поправил одеяло и направился к выходу. Следователь последовал за ним, не забыв напоследок оглянуться и окинуть всех больных палаты взглядом внимательным и быстрым. Трудно сказать, запомнил ли он кого-нибудь, но посмотрел, улыбочиво и протяжно.

В конце длинного коридора, умеренно грязного и какого-то замусоленного, с надорванным линолеумом и комками окровавленной ваты на полу, с небольшими отсеками, где за маленькими столиками у стеклянных шкафчиков сидели накрашенные сестрички и без конца звонили своим приятелям и приятельницам.

Касьянин и Анфилогов медленно прошли вдоль коридора и добрались, наконец, до клеенчатого дивана, стоявшего у самого окна. Диван был старый и продавленный. Какой-то ошавший от боли или от дури больной изрезал его ножом, и из дыр торчала серая вата.

– Присаживайтесь, – Касьянин на правах хозяина показал на диван. Хотя прогулка по коридору была недолгой, но он устал и опустился на диван с облегчением. Следователь сел рядом, положил на колени свою папочку, раскрыл ее, вынул бланк протокола.

– Начнем? – повернулся он к Касьянину.

– Начнем, – тот пожал плечами. – Хотя, собственно, и начинать-то не знаю с чего...

– Данные ваши я уже записал. В общих чертах знаю, что произошло, поэтому поговорим о том, чего не могли сказать мне другие люди.

– Поговорим.

– Что случилось, Илья Николаевич?

Касьянин помолчал, легонько раскачиваясь из стороны в сторону, вздохнул обреченно, подождал, пока больной на костылях зайдет в ближайшую палату и закроет за собой дверь.

– Значит, так... Это произошло недели две назад, дату вы знаете?

– Знаю. Семнадцатого.

– Да, наверное. Двенадцатый час ночи, я прогуливаю собаку, кокер-спаниель... Яшкой зовут.

- Вы были один?
- Вначале мы были с другом, потом он отлучился искать свою собаку, а я остался с Яшкой. Вдруг из темноты выскакивает какая-то тварь...
- Порода?
- Не заметил. Большая собака, темная, может быть, даже черная... И на Яшку. Вцепилась ему в холку, тот визжит, я собаку оттолкнул ногой.
- Или ударили?
- Или ударил... Не помню. Но злости у меня не было, моя цель была простой – отогнать собаку от Яшки.
- Удалось?
- Сначала удалось, собака убежала. Потом из темноты снова на Яшку... Как я понял, хозяин ее натравливал.
- Вы это слышали?
- Да.
- Дальше, – Анфилогов что-то быстро писал в бланке протокола.
- Я опять ее поддал, уже посильнее. Тогда выходит из темноты амбал. И, не говоря ни слова, бьет меня по морде. Потом еще. Я упал, он принялся обрабатывать меня ногами, причем, подонок, все время старался по лицу, по голове... Вначале я прикрывался руками, потом потерял сознание.
- И долго были без сознания?
- По моим прикидкам... около часа. Может быть, около двух.
- Когда очнулись, рядом никого не было?
- Яшка был. С переломанной лапой. Этот тип ему лапу перебил, а его собака ухо надорвала.
- Вы видели этого человека? Можете его узнать?
- Конечно, нет. Ни его собаку, ни его самого узнать не могу. Я уже здесь пытался хоть что-нибудь вспомнить... Нет, ничего. Совершенно. Могу только сказать, что он выше меня, плотнее, моложе...
- Одежда, прическа, фигура... Ничего не видели?
- Нет...
- Что же он, так и не произнес ни единого слова? Все проделал над вами, над вашей собакой молча?
- Несколько словечек обронил... Сучьим потрохом обозвал, пидором позорным, пообещал сделать из меня бифштекс с кровью. Такие были слова.
- Не так уж мало.
- Да, – согласился Касьянин, – слова еще те... Запоминаются.
- Дело не в том, что они запоминаются, – следователь продолжал старательно записывать все, что говорил Касьянин. – Они выдают его классовую принадлежность. Зэковскую принадлежность.
- Я тоже подумал об этом... Он наверняка сидел.
- Или же плотно и долго общался с людьми, которые сидели. Мне кажется, найти его можно. Но доказать будет сложно.
- Даже невозможно, – сказал Касьянин. – Я его не узнаю, даже если вы меня подведете к нему вплотную. И собаку его не узнаю. Да! – вдруг воскликнул Касьянин. – Он был в спортивном костюме, тонкий, шелковистый костюм весь на молниях и на резинках. Темно-синий, темно-зеленый... Что-то в этом роде. Но сейчас все гуляют в таких костюмах. И стар, и млад, и мужики, и бабы.
- Я его найду, – повторил Анфилогов. – Если хотите, могу вам его показать при случае.
- Зачем?

– На будущее. Чтобы знать, откуда идет опасность. Но это все, что я могу сделать.

– Да я уже, в общем-то, смирился, – Касьянин махнул рукой, глядя в пространство длинного коридора.

– Смирился? – удивился следователь. – Странно. Обычно жажду мести люди проносят в себе через годы и расстояния. И не гасят это пламя ни жизненные невзгоды, ни новые обстоятельства, вообще ничто не гасит. Вы меня понимаете? Когда кто-то говорит, что он смирился, это означает одно из двух...

– Что же это означает?

– Что человек вообще смирился со всем на свете, плюнул и на человечество, и на себя в том числе. На вас это не похоже. У журналистов обычно хватает жизненного тщеславия до самой смерти. Нет, вы не из тех, кто смиряется. Не надо мне пудрить мозги.

– Может быть, я из другой категории?

– А другая категория – это затаившиеся. Те, кто пытается ввести всех в заблуждение – я, дескать, стар, дряхл и не мне утверждать справедливость! – глаза следователя горели, похоже, он говорил нечто важное для себя. Казалось даже, что Анфилогов не столько отвечает на касьянинский вопрос, сколько убеждает самого себя в правильности собственного понимания человека.

Касьянин взглянул на руки следователя – первое впечатление, когда он ощутил сильную прохладную ладонь, подтвердилось – рука у Анфилогова действительно была сильная, пальцы длинные, ногти правильной формы.

– Так в чем же сила, – медленно проговорил Касьянин, – в том, чтобы выбросить из головы и забыть нанесенное оскорбление, или же в том, чтобы годы носить в себе незатухающую обиду?

– Сила? – изумленно переспросил следователь. – При чем тут сила? Разве я что-нибудь говорил о силе?

– Я имею в виду силу духа, характера, силу личности.

– Видите ли, Илья Николаевич, я представляю не силу, я представляю справедливость, – Анфилогов сунул протокол в папку, но тут же вынул его, дал подписать Касьянину, снова захлопнул папку и щелкнул кнопкой на хлястике, давая понять, что деловая часть встречи закончена. – Вот что еще скажу вам, Илья Николаевич, – следователь помолчал. – Люди могут простить жестокость по отношению к себе, могут простить несправедливость, измену, обман... Но есть вещи, которые прощению не поддаются, если позволите так выразиться.

– Что же именно один не может простить другому?

– Обиду, – сказал Анфилогов негромко. – Как бы человек того ни желал, ему никогда не забыть нанесенной обиды. Это не значит, что он всю жизнь будет мечтать о мести, вовсе нет. Но между этими людьми всегда, всю жизнь, до гробовой доски будет стоять эта тонкая, почти невидимая стена. Обида. Согласны?

– Обиды бывают разными... – неопределенно сказал Касьянин. – Кухонные, постельные, служебные...

– Я не имею в виду обиду, нанесенную человеческому достоинству. После всего происшедшего вы в шоке и еще какое-то время будете находиться в шоке, и ваши рассуждения о чем бы то ни было не будут вполне соответствовать убеждениям. Может быть, сейчас, именно сейчас, вы со мной не согласитесь, но я уверен – вы не простили ночного подонка. Не смирились. Обида еще придет. И кто знает, какие чувства она вызовет в вас, какие силы поднимет, какие законы заставит вспомнить, – Анфилогов поднялся. Глаза его сверкали каким-то внутренним огнем, на щеках появился румянец.

– Законы? – переспросил Касьянин. – Вы имеете в виду статьи Уголовного кодекса...

– Я имею в виду законы человеческого бытия, – проговорил следователь, и Касьянин не мог отделаться от впечатления, что слова эти прозвучали не просто с высоты человеческого

роста, а чуть ли не из поднебесья. Какая-то странная сила исходила от следователя – Касьянину хотелось и согласиться с ним, и в то же время оспорить все, что говорил Анфилогов. – Мы еще с вами встретимся, – улыбнулся следователь, протягивая руку. – Я уверен в этом.

– Ну что ж, – Касьянин тоже поднялся. – До скорой встречи!

– Когда выписываетесь?

– Завтра-послезавтра... Как решит начальство, здешнее, больничное начальство.

– Я разговаривал с заведующим отделением... Он сказал, что вы хорошо отделались.

Можно сказать, выкрутились.

– Знаете, чем отличается умный человек от мудрого? – спросил Касьянин, направляясь по коридору к своей палате. – Умный всегда найдет возможность выкрутиться из любого, даже безнадежного положения.

– А мудрый?

– Мудрый в такие положения не попадает.

– О! – Следователь остановился и так посмотрел на Касьянина, будто тот произнес какие-то особенные слова, которые не просто понравились собеседнику, а даже поразили его. – О! – восхищенно проговорил Анфилогов. – Я это запомню.

– А я запомню все, что вы сказали про человеческие обиды.

– Это прекрасно! Тогда у нас наверняка будет повод встретиться! – радостно заявил следователь и, пожав на прощание Касьянину руку, не оглядываясь, быстро зашагал по коридору к лифтовой площадке. Но прежде чем войти в кабину, все-таки оглянулся и приветственно помахал рукой. Улыбка его при этом была какой-то очень уж белозубой, почти ослепительной, словно от зубов шел сильный белый свет.

Касьянин сидел в редакции и звонил по обычным своим телефонам, выбивая материалы о том, где что случилось, где кого убили, задушили, утопили, где какая банда кого расстреляла. Звонил в районные отделения милиции, в суды, в канцелярии прокуратур – везде у него были свои люди, которых он иногда за счет редакции поощрял незамысловатыми подарками – коньяк, транзистор, цветы, конфеты.

Работал без подъема, без интереса.

Пришло странное какое-то ощущение бесполезности всего, что он делает. Недавние события обесценили его, может быть, и злободневные статейки, которыми он снабжал родную газету. Касьянин прекрасно понимал, что все это поверхностно и достаточно далеко от того, что происходит на самом деле, от того, какие истинные страсти кипят на ночных улицах города, какие боли и несчастья переживают люди. А его заметки, чаще всего изложенные с легким смешком, если не сказать с насмешкой, по отношению и к преступникам, и к потерпевшим, были в чем-то даже подловатыми. Но такой уж установился стиль в газетах, люди не слишком удручались ни собственными бедами, ни тем более чужими. В касьянинском положении это были не трагедии, сколько бы крови ни пролилось, он описывал просто забавные случаи из городской жизни. Именно забаву читатели и искали на газетных страницах. Всевозможных бед им хватало и в собственной жизни, а газету разворачивали с единственной целью – еще раз убедиться, что не только им плохо живется в дни решительных рыночных преобразований.

– Привет, старик, – говорил Касьянин, набрав очередной номер. – Что новенького в жизни? – обращался он к своим собеседникам по старой журналистской привычке. Слово «старик», вошедшее в обиход еще в далеких шестидесятых, и ныне служило своеобразным паролем, опознавательным знаком – звонит свой человек, который всегда тебя поймет и выручит.

– Новенького ничего, а вот веселенькое есть! – радостно ответил дежурный отделения. – Представляешь, Илья, одна старуха другую насмерть зарезала!

– За что? – Касьянин тут же начал записывать суть сообщения.

– Не поверишь – ревность!

– Сколько же старухам?

– Убийца родилась в семнадцатом году, а жертва маленько ее постарше – с девятисотого года.

– Не может быть! – ошарашенно произнес Касьянин. – Это получается, что одной девяносто восемь лет, а второй... а второй...

– Восемьдесят с гаком! – прокричал в трубку дежурный. – Представляешь?

– С трудом, честно говоря. Как же она ее?

– Ножом! Обычным кухонным ножом! Вот он лежит передо мной. Знаешь, бывают в семьях такие ножи, которые от многолетней заточки становятся тонкими, кривыми, но чрезвычайно острыми... Вот таким ножом. Понимаешь, старуха, которой под сто, уже не ходила, и, естественно, все оказывали ей больше внимания – подушку поправят, одеялом укроют, тапочки поставят у кровати... А молодой обидно...

– Какой молодой?

– Ну, которой восемьдесят! – расхохотался дежурный. – И однажды она не стерпела, выиграло ретивое! Оказывается, страсти-то не угасли в душе у старушки! Пошла на кухню, взяла нож и давай этим ножом ткать столетнюю свою сестрицу во что попало!

– Так они еще и сестры?

– Родные!

– И что же дальше? – Касьянин продолжал набрасывать строчки будущей заметки.

– А что... Недолго мучилась старушка в злодейских опытных руках. Испустила дух.

– Как же поступили с престарелой убийцей?

– Под белы руки – и в отделение. Здесь и переночевала. У нас тут столько народу перебывало – все хотели на бабулю посмотреть, отказывались верить!

– А она?

– Дули всем вертела. Потом устала и прикорнула в уголке.

– А дальше?

– В психушку отправим, пусть там разбираются.

Касьянин набросал заметку, прочитал, вычеркнул несколько строк, кое-что дописал, но все это не имело слишком большого значения, нужен был ударный заголовок, именно он все решал, от этих двух-трех слов зависел успех как маленькой заметки об убийстве, так и большой статьи о криминализации общества. Касьянин посмотрел в окно, еще раз перечитал заметку, покусал шариковую ручку и, не колеблясь, вывел на оставленном свободном месте: «Ровесница Октября зарезала ровесницу века».

– Сойдет, – пробормотал он, окинув заметку беглым взглядом. – Вполне сойдет.

В этом заголовке было все, что требовалось от Касьянина, – и ошутимая ирония, и необычность преступления, и в то же время ему удалось передать озлобленность, которая все больше охватывала даже самых законопослушных граждан.

Редактор прочитал заметку, поднял глаза на стоявшего у стола Касьянина и некоторое время молча смотрел на него без всякого выражения на молодом лице.

– Ну? – не выдержал, наконец, Касьянин.

– Теперь ты все понял?

– Что понял-то? Что понял?

– Насколько тебя нам не хватало.

– Тогда ладно, – облегченно пробормотал Касьянин. – Тогда ничего еще... А то я уж подумал, что нюх потерял, удача отвернулась, старость пришла.

– Еще что-нибудь найдешь?

– Попытаюсь.

– Попытка – не пытка, как говаривал отец народов. Поднатужься, Илья, ладно?

До конца рабочего дня Касьянин в бескрайней криминальной жизни города выловил историю о том, как некий гражданин с пистолетом в руках ворвался в банк и ограбил его на

девять тысяч семьсот четыре доллара восемнадцать центов – как раз на ту сумму, которую банк отказывался вернуть гражданину. Потом подвернулась ориентировка – одна кавказская группировка расстреляла другую кавказскую группировку, а среднеазиатская банда сожгла баню вместе с местными отморозками. Да, жизнь в городе, как всегда, была насыщенной, полной неожиданностей и забавных подробностей.

– Не забудь о себе написать, – бросил, пробегая мимо кабинета, редактор.

– Не понял? – Касьянин удивленно поднял голову от стола.

– У меня даже заголовок есть, – Осоргин вернулся и заглянул в дверь. – «Снова в строю».

Так, дескать, и так, подвергся бандитскому нападению сотрудник нашей редакции Илья Касьянин. Но благодаря героическим усилиям врачей он снова в строю, и снова криминальная тема нашей газеты освещается как нигде полно, достоверно и талантливо. Ведется следствие... Да-да, не забудь указать, что ведется следствие и сотрудники уголовного розыска уже установили нападавшего.

– Кто же этот нападавший? – уныло спросил Касьянин.

– Я же тебе говорил – в интересах следствия фамилия бандита не разглашается, – расмеялся Осоргин и умчался дальше по своим чрезвычайно важным редакторским делам.

– А что? – пробормотал Касьянин. – Не продается вдохновенье, так можно рукопись продать... – и тут же набросал еще одну заметку. Заголовок, недолго думая, поставил тот, который предложил редактор, – «Снова в строю».

– Все правильно, – сказал Осоргин, прочитав заметку. – На всю полосу шапку... Так и напишем – «Снова в строю». И фотографию поместим. Есть у меня твоя фотка... Помнишь, наш фотокор шелкнул тебя, когда ты премии радовался как дитя... Веселый такой, простодушный, беззаботный... Крупно дадим, щедро! На первой полосе! Как раньше портреты вождей печатали!

– Тогда меня уж точно добьют, – без улыбки сказал Касьянин.

– Авось! – весело воскликнул редактор и помахал рукой, давая понять, что Касьянин может уйти не только из его кабинета, что он может вообще отправиться домой, поскольку дело свое сделал и без толку шататься по коридорам ему нечего.

А вечером пришел Ухалов.

Марина еще не вернулась, Степан с друзьями гонял мяч на пустыре, и приятели могли поговорить без помех. Ухалов был непривычно молчалив, сосредоточен, на Касьянина поглядывал пытливо, испытующе, словно прикидывая – сможет ли тот выдержать все, что он для него приготовил.

– Ты как? – спросил Ухалов.

– Держусь... Пишу потрясающие детективы.

– О чем?

– Сообщаю читателям о криминальном мире, в котором они живут, – Касьянин никогда не пересказывал содержание заметок, которые сдавал в набор. Что-то останавливало, в чем-то он считал свой труд малодостойным, во всяком случае, не заслуживающим интереса для людей серьезных, занятых своим делом. Его сообщения о криминальных всплесках жизни были хороши для электричек, для вагонов метро, для вокзальных залов ожидания, но не более того.

– И что же? – без интереса спросил Ухалов. – Режут друг друга?

– И режут тоже, – кивнул Касьянин. – Как и прежде. А что нового на литературном фронте? Какие открытия совершены, какие откровения посетили властителей дум?

– А знаешь, – оживился Ухалов, – есть и открытия.

– Да-а-а?! – не то восторженно, не то недоверчиво протянул Касьянин. – Надо же... Поделись!

– Поделюсь, – Ухалов вынул из широченного своего кармана бутылку водки с трепетным названием «Завалинка» и поставил на стол. Касьянин взял бутылку, внимательно вчитался во все слова, которые ему удалось обнаружить на этикетке, усмехнулся.

– Что означает это название? Она заваливает быстро и каждого? Или же предназначена для долгих и неторопливых бесед на завалинке? Или же в нем есть еще какой-то тайный смысл?

– Каждый понимает в меру своей испорченности, – Ухалов пожал большими округлыми плечами.

Друзья продолжали неспешно разговаривать и как бы между прочим, вроде сами того не замечая, прошли на кухню и принялись, не сговариваясь, готовить стол. Касьянин вынул из холодильника вареную колбасу, горчицу, большой красный перец. Ухалов тем временем открыл бутылку, взял с полки два стакана, граненых, между прочим, что по нынешним временам было большой редкостью.

Но оба любили по старой памяти пить именно из граненых, как в те времена, когда прятались они в кустах от милиционеров, когда водку подкрашивали чаем и опускали в стакан ложечки, чтобы сбить с толку борцов за трезвый образ жизни, обмануть юных своих жен, пытавшихся бороться с их пагубным пристрастием.

– Какие все-таки откровения посещают молодые дарования? – спросил Касьянин, и Ухалов тут же охотно откликнулся на его причудливый вопрос.

– Представляешь, Илья, открыт способ обратить на себя внимание не газетных борзописцев вроде тебя, не издательских рецензентов вроде меня – открыт способ привлечь внимание членов жюри денежных конкурсов.

– Что же для этого требуется? – Касьянин разрезал перец пополам и принялся делить его на дольки.

– А ничего! – воскликнул Ухалов, коротко взглянув на Касьянина. – Убери все абзацы, убери прямую речь, пусть текст идет, как в газетной полосе – сплошняком. А еще лучше – на несколько страниц одним предложением и без знаков препинания.

– И что же это дает мне, простому и унылому читателю?

– Это дает обалденный поток сознания, интеллектуальную прозу, доступную далеко не каждому! Заметь, Илья, это очень важный показатель – чтоб доступно было не каждому. И человек, который нашел в себе силы дочитать такую страницу до конца, чувствует себя избранным! Это тоже важное обстоятельство – ощутить избранность.

– Хорошо, – кивнул Касьянин, разливая водку в стаканы. – Но скажи, пожалуйста, о чем писать? Это имеет значение?

– Имеет, и очень важное. – Ухалов сел, придвинул к себе стакан, взял из тарелки красную полоску перца, поднял глаза на Касьянина. – Содержание, Илья, должно быть неуловимым!

– Это как?

– А вот так! Содержания вообще не должно быть! К примеру, ты вспоминаешь, как в детстве ел арбуз... Ты ел когда-нибудь арбуз?

– Было дело.

– Так вот, ты должен вспомнить все – цвет семечек и их количество, форму и цвет арбуза, размер ножа, которым этот арбуз разрезан, цвет рукоятки, из какого материала она сделана, сколько на ней заклепок и трещин, возможно, при этом ты слышал треск раскалывающегося арбуза – одному только этому треску можно посвятить десяток страниц. Если в комнате было солнце – опиши, муха гудела – это тебе еще пара страниц, если кто-то тебе в это время позвонил – глава, не меньше. Арбузный сок на столе, посверкивающая на солнце красная сердцевина, ее вкус, о! – Ухалов закрыл глаза и некоторое время в блаженстве раскачивался из стороны в сторону. – Вкус сердцевины – это еще пять страниц текста без абзацев, без знаков препинания, без просветов, чтобы читатель задыхался, понимаешь, задыхался в твоём тексте! А за окном крики детей, скрежет трамвая на повороте, гул пролетевшего самолета...

– У арбуза еще хвостик бывает, – подсказал Касьянин.

– Да! – заорал Ухалов. – Хвостик заслуживает целой главы, потому что хвостики бывают не только у арбуза, но и у некоторых людей – я в школьном учебнике видел, – у яблока, обезьяны, ящерицы...

– У ящерицы отваливается.

– Правильно, Илья! Ты вполне можешь садиться за современный роман под названием «Арбуз».

– Мне больше нравятся дыни, – задумчиво произнес Касьянин.

– Не возражаю – пусть «Дыня».

– Будем живы, – Касьянин поднял стакан, глухо ткнулся в стакан Ухалова и медленно выпил до дна.

– Хорошо-то как, господа, – пробормотал Ухалов и посмотрел на Касьянина повлажневшими глазами. – Жить-то как хорошо, а, Илюша? Ты со мной согласен?

– Мне тоже нравится, – кивнул Касьянин, который и к жизни, и к себе, и ко всему на свете относился не то чтобы сдержанно, а как-то осторожно.

– Жизнь надо ценить, – продолжал Ухалов. – Она ведь того... Одна.

– И прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно, – Касьянин был серьезен и сосредоточен – он выбирал ломтик перца, который бы отвечал его представлениям о жизни в данный момент.

– Да, – согласился Ухалов. – Мучительно больно – это плохо. Этого надо избегать.

– Иногда и достается.

Такой разговор продолжался еще некоторое время, друзья прервались лишь на минуту, чтобы снова наполнить стаканы, произнести необязательные слова тоста, выпить и закусить. После этого Ухалов решил, что может приступить к делу.

– Я ведь, Илюша, того... Своего обещания не забыл, – с этими словами он вынул из внутреннего кармана пиджака черный револьвер с коротким стволом и массивным барабаном. – Несколько дней назад я тебя уже познакомил с этим гражданином, – он положил револьвер на стол. – Пора знакомство продолжить.

– А на фига он мне? – непочтительно спросил Касьянин.

– Собак пугать.

– Каких?

– Разных.

– Думаешь, испугаются? – усомнился Касьянин, беря револьвер со стола.

– Обязаны. Живые ведь твари... Всякая живая тварь боится громких звуков... Он очень громкий, Илья. Просто потрясающе громкий. В нем, знаешь, такая убедительная громкость.

– Надо же, – Касьянин рассматривал револьвер, вертя его в руках, примериваясь к нему, взвешивая на ладони. Ухалов наблюдал за ним и видел, понимал, старый плут, что револьвер нравится его приятелю, что пришелся по душе. Да и не мог он не понравиться человеку, который зарабатывал на хлеб, описывая всевозможные происшествия, связанные с такими вот предметами первой необходимости.

Когда Касьянин поднял глаза, Ухалов прочитал в них ясный и четкий вопрос.

– Дарю, – сказал он твердо, не ожидая, пока вопрос прозвучит вслух. – А ты мне тоже что-нибудь подаришь, – поспешно добавил Ухалов, почувствовав, что Касьянин хочет возразить.

– Ну что ж... Тогда наливай.

Водки в бутылке осталось еще на один тост – стаканы были сделаны из грубого толстого стекла, и бутылки хватало как раз на три вполне достойных захода.

– За верный глаз и твердую руку! – торжественно сказал Ухалов.

– Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути, – пропел в ответ Касьянин, а услышав звук открываемой двери в прихожей, быстро положил револьвер на самый верх подвесного шкафчика.

Вернулся Степан.

Заглянув в кухню, увидел отца, распеваящего революционные песни, и осторожно прикрыл дверь.

– Есть проблемы? – крикнул Касьянин.

– Все в порядке, – ответил Степан уже из комнаты.

– Где мать?

– Соседка сервиз купила... Обмывают.

– Хорошее дело, – одобрил Касьянин. – Сервиз создает в доме видимость благополучия, видимость мира и достатка, видимость вкуса и стремления к достойной жизни... Вообще сервиз создает очень много разных видимостей.

– А граненый стакан лучше, – твердо сказал Ухалов. – И не спорь со мной, – предупредил он, хотя никто и не собирался оспаривать очевидных истин.

– Совершенно с тобой согласен.

– Граненый стакан лучше, – повторил Ухалов. – Надо бы нам прогуляться. Солнце село... Почти стемнело. – Ухалов усмехнулся неожиданно возникшей рифме.

Окинув беглым взглядом стол, Касьянин сунул бутылку в мусорное ведро, хлеб убрал в целлофановый пакет, тарелки, на которых совсем недавно красовалась колбаса и красный перец, поставил в мойку. После этого, поколебавшись, взял тряпку и смахнул со стола оставшиеся крошки.

– Правильно, – одобрил порозовевший Ухалов. – Следы надо замечать.

– Следы всегда остаются, – усмехнулся Касьянин. – Это я могу сказать тебе твердо.

– Не знаю, не знаю...

– Если годик-второй попишешь в газету на мои темы... Тебе тоже кое-что откроется в жизни.

На прогулку вышли втроем – прихватили с собой и Яшку. В последний момент Ухалов остановился посреди кухни, дождался, пока из прихожей выглянет заждавшийся Касьянин, и молча показал ему на верх шкафчика.

– Ты ничего не забыл?

Касьянин проследил взглядом за указательным пальцем Ухалова и только тогда понял, о чем тот напоминает. Палец у Ухалова был коротковат и тверд, указывал на срез черного ствола револьвера.

– Думаешь, стоит? – засомневался Касьянин.

– Уверен.

– Вообще-то, надо бы разрешение...

– Как ты думаешь, когда бандюга тебе морду бил, у него было разрешение на твою морду, которая до сих пор еще имеет цвет национального флага независимой Украины.

– Это как?

– Морда у тебя явно желто-синего цвета.

– Разве что так, – Касьянин приподнялся на цыпочки, дотянулся до ствола и, взяв револьвер, некоторое время стоял в растерянности, не зная, куда его сунуть.

– За пояс, – сказал Ухалов. – А потом купишь специальную упряжь и будешь носить под мышкой. И не забывай проверять предохранитель. Вот эта кнопка должна быть опущена вниз. А перед стрельбой ее нужно поднять вверх.

– Соображу, – Касьянин сунул тяжелый револьвер за пояс, запахнул пиджак, застегнул его на одну пуговицу. – Ну как? Сойдет?

– Наконец ты стал похож на настоящего мужчину.

- Настоящий мужчина – это какой?
- На которого бабы глаз кладут.
- Ладно, – усмехнулся Касьянин. – Пошли.

Выйдя из подъезда, приятели с удивлением обнаружили, что уже наступили сумерки. Только за лесом еще можно было различить розоватое свечение неба. Над тремя недостроенными домами висела какая-то надкушенная луна. В самих домах уже началась ночная жизнь – теплились некоторые проемы окон, блики на стенах говорили о том, что там уже горят костры, уже племя собралось на вечерний перебрех. Верхние этажи розовели в закатном свете, но внизу была уже ночь.

Собаки, как обычно, носились по пустырю, хозяева или же бегали за ними, пытаясь набросить ошейники, или стояли в сторонке, покуривая, ожидая, пока их разношерстные, разномастные любимцы, обессилев, сами приползут к ногам. Яшка тут же включился в общие игрища, но, видимо, недавние события все-таки повлияли на него – время от времени он сам подбегал к Касьянину и, ткнувшись в ноги, убедившись, что хозяин рядом, жив и здоров, снова убегал в темноту.

- Пошли к домам, – предложил Ухалов как-то уж очень деловито, устремленно.
- А чего там?
- Пошли-пошли... А то здесь народу многовато.
- Для чего многовато? – не понял Касьянин.

– Надо же нам машинку испытать. А то прижмет – не будешь знать, чего нажимать, чего не нажимать, – и, подхватив Касьянина под локоть, Ухалов потащил его к ближайшей темной громаде.

Если ступеньки еще можно было как-то рассмотреть, то внутри подъезда была полная темнота. Но Ухалов чувствовал себя уверенно и продолжал тащить Касьянина за рукав в глубь дома. Где-то вверху, сбоку, раздавались невнятные звуки – то ли человеческие голоса, то ли шум ветра в пустых окнах. Изредка на стенах мелькали отблески огня – кто-то прикуривал, возможно, поджигали пустые ящики, остатки деревянного забора, доски от опалубки, оставленной строителями лет десять назад.

Сунувшись было в какую-то квартиру на третьем этаже, приятели вынуждены были тут же отшатнуться – в темноте раздался испуганный женский вскрик, мужской успокаивающий шепот. В соседней квартире при свете единственной свечи на тряпье лежали несколько человек. Как успел заметить Касьянин, девчонкам вряд ли было больше пятнадцати, ребята выглядели постарше.

- Мы Яшку забыли прихватить, – сказал Касьянин.
- Сейчас вернемся... Пусть подышит.

На пятом этаже им удалось найти пустой пролет, здесь, похоже, все квартиры были пусты, хотя при свете спички какие-то признаки жизни можно было заметить – пустые бутылки, ящик, застеленный газетой, матрас, скорее всего подобранный на свалке, диван с разодранным верхом.

– Здесь и остановимся, – сказал Ухалов. – Давай свою игрушку, – он в темноте нашупал холодную рукоятку револьвера, сунул Касьянину коробок спичек. – Зажигай, сейчас все покажу.

При слабом огоньке он еще раз показал Касьянину, где предохранитель, как можно опустить или поднять его большим пальцем, не убирая указательного с курка.

– Может, достаточно будет одного вида оружия, а? – с непонятной надеждой спросил Касьянин, стараясь избежать этих таинственных испытаний.

- А кто в темноте увидит это твое оружие?
- Да, – вынужден был согласиться Касьянин. – Тут ты прав.
- Повторяю... Первые два патрона – шумовые, запомни. Потом два – газовые.

– Слезоточивые?

– Ни фига. Слезам никто не верит. Газ настоящий, нервно-паралитический. Бабахнешь кому-нибудь в морду – не скоро в себя придет. Мало не покажется, как сейчас говорят крутые ребята.

– А что, надо в морду?

– Целиться надо, конечно, в морду. Чем морда больше, тем выше вероятность попадания. С пяти метров достанет.

– Это интересно, – озадаченно проговорил Касьянин. – Насчет морды.

– Последние два патрона – с дробью. Это уже на крайний случай. Убить – не убьешь, но неприятность причинишь очень большую.

– Не убью, даже если в морду?

– А чем она лучше или хуже задницы?

– Вообще-то да, – согласился Касьянин.

В этот вечер он чаще обычного соглашался с Ухаловым. В голосе того звучало столько уверенности, столько твердости, что Касьянин был просто подавлен свалившимися на него новыми сведениями.

– Если собаке с хорошей шерстью выстрелишь этой дробью в бок, то она и до шкуры не пробьется. Из шерсти вся осыплется на землю. Если же в морду, то собаке будет неприятно. Она завизжит и побежит жаловаться хозяину.

– Тогда уж хозяин со мной разберется...

– А для хозяина у тебя еще один патрон, – отмел все сомнения Ухалов. – Бери револьвер и стреляй вон туда, в угол.

– Ты что?!

– Шумовым, понял?

– Народ со всех этажей сбежится – бомжи, наркоманы, беженцы, сексуалы всех разновидностей.

– Триста лет ты им нужен! Никто даже не пошевелится. Ты бы пошел в темную квартиру в таком вот доме, в квартиру, где стреляют?

– Ладно, давай, – Касьянин нащупал в темноте ствол, перехватил револьвер поудобнее. Его большой палец сам нащупал кнопку предохранителя, указательный лег на спусковой крючок легко и охотно, будто всю жизнь этим занимался.

– Теперь большим пальцем кнопку вверх... – продолжал давать указания Ухалов. – Сделал?

– Вроде.

– Ну, ни пуха ни пера!

Касьянин помедлил какое-то время, вздохнул, как перед прыжком с парашютом, и, направив ствол в дальний угол комнаты, нажал курок. В глубине души он надеялся, что выстрела не произойдет, не хотелось ему нарушать тишину. Но выстрел грянул неожиданно и резко, из ствола вырвалось злое, стремительное пламя, револьвер в его руке дернулся и тут же снова затих, как перед следующим прыжком.

– Еще раз! – резковато сказал Ухалов.

Касьянин снова нажал курок, и опять из ствола, одновременно с грохотом, вырвалось короткое рваное пламя.

– Молоток! – сказал Ухалов. Взяв револьвер из рук Касьянина, он откинул барабан и, вынув пустые патроны, на их место вставил другие. – Вот, пожалуйста! И опять он готов производить шум, плевать газом, дробью и защищать своего хозяина.

Когда они спускались по темным лестничным переходам, Касьянин с удивлением обнаружил, что никто их не окликнул, выстрелы никого не встревожили, жизнь в доме продолжа-

лась точно так же, как и пятнадцать минут назад, когда они только поднимались на пятый этаж. Видимо, подобные дела были здесь если и не нормой, то достаточно обычными.

Едва Касьянин и Ухалов вышли из подъезда, над головами их громыхнуло, раскалывающимся треском сверкнула молния, рядом упали крупные капли дождя и в воздухе запахло поднятой пылью. С радостным лаем подскочил невидимый в темноте Яшка. Подъезд, в котором скрылись Ухалов и Касьянин, он нашел, но войти в дом, полный странных звуков и запахов, не решился. Не дожидаясь, пока дождь наберет силу, все трое бросились к освещенной трассе, за которой светились обжитые, освещенные дома, снабженные горячей и холодной водой, газовыми плитками, телевизионными антеннами и холодильниками, дома, в которых шла совсем другая жизнь – осмысленная, размеренная, сытая.

Следователя Ивана Ивановича Анфилогова нельзя было назвать слишком уж оперативным, вездесущим, яростным в работе. Нет, он скорее был нетороплив, обстоятелен, но не это качество определяло его сущность. Главным в нем была какая-то нечеловеческая неотступность, цепкость, явно выходящая за пределы непосредственных служебных обязанностей. Даже когда дело было закрыто, когда потерпевший уже не имел никаких претензий ни к милиции, ни к преступнику, Анфилогов продолжал вести свой, уже можно сказать, личный поиск, за который его наверняка не ожидала ни слава, ни награды. Похоже, он и не стремился ни к славе, ни к наградам. Для удовлетворения следовательского тщеславия ему вполне хватало личного успеха, о котором частенько не знали ни начальство, ни товарищи по работе.

Та же история со зверским избиением журналиста. Касьянин открытым текстом заявил, что ничего внятного о преступнике сказать не может. Не видел он его в темноте, и если ему предъявить напавшего на него бандита, попросту не узнает. Касьянин так и сказал – не узнаю. И не потому, что струсил или опасался снова столкнуться с преступником, вовсе нет, он действительно ничего о нем не знал, поскольку первый же удар из темноты свалил его наземь и он не имел возможности даже поднять голову.

Подобные показания освобождали Анфилогова от дальнейших поисков, и он мог спокойно заняться другими делами. Но было одно обстоятельство, которое не позволяло ему успокоиться, – он пообещал Касьянину, что преступника найдет.

И продолжал поиск.

Спокойно, улыбочиво и неотступно.

Оттолкнулся Анфилогов от того немногого, что смог сказать ему Касьянин, – тот помнил слова, которыми обложил его нападавший: обозвал сучьим потрохом, пидором позорным и пообещал сделать из него бифштекс с кровью.

Поиск оказался недолгим и вполне успешным.

Прежде всего Анфилогов отправился к участковому и подробно с ним поговорил, интересуясь людьми, которые успели побывать в местах заключения. Слова, которые запомнил Касьянин, действительно несли на себе неистребимое тавро лагерного жаргона. Пройти мимо этой зацепки Анфилогов никак не мог.

Но не все в жизни получается, как нам бы того хотелось, как вроде бы должно получаться. Жизнь оказывается сложнее самых замысловатых наших придумок и часто смеется над безумными попытками установить какие-то правила. Участковый Пияшев действовал по правилам, спущенным ему начальством... когда это ему не мешало. Но точно так же, с усердием и готовностью, он следовал требованиям, которые выдвигала перед ним жизнь. А жизнь требовала от него, чтобы жил он в мире, дружбе и взаимопонимании со всеми, в полном смысле слова со всеми, в своей округе. Все мы умные, тертые люди и прекрасно понимаем, что непосредственное начальство находилось от участкового гораздо дальше, чем воровской авторитет из соседнего подъезда.

Сложная должность была у Пияшева, чреватая, таила в себе всевозможные неожиданности. Жить Пияшев обязан был не только по законам, определенным президентом, каким бы он

там ни был, но и по воровским законам, неизвестно кем и когда установленным. И находить золотую середину мог человек талантливый, рискованный и опасливый.

И потому следователя Пияшев встретил радушно, но в то же время настороженно.

– Анфилогов. Иван. Следователь, – представился один.

– Пияшев. Александр. Участковый, – ответил второй.

Оба рассмеялись и прекрасно друг друга поняли.

– Ищу бывшего зэка, – начал следователь.

– А чего искать... У нас в каждом подъезде, и не по одному.

– Молодой, во всяком случае, далеко не старший, здоровый мужик, по вечерам выгуливает собаку.

– Тут многие собак выгуливают, – сказал Пияшев, быстро взглянув на следователя.

Совершенно незначущие слова произнес участковый, не выразил ни своего одобрения Анфилогову, ни настороженности, но тот сразу понял – легкого разговора не будет, помощи тоже ждать не следует.

– Большая черная собака, не знаю, какой породы, но то, что она породистая, это точно.

– Ну, – сказал Пияшев.

И Анфилогов склонил голову от пронзившего его понимания – знает участковый, о ком идет речь, знает и хозяина, и его собаку. Но не скажет, не поделится, не выдаст. И следователь спрятал глаза, чтобы не догадался этот губастенький парнишка с испуганным взглядом, что он все понял. Ну что ж, в таком случае остается только потрепаться, подробно, долго и, главное, уважительно потрепаться.

Когда Анфилогов поднял голову, на губах его играла доверчивая улыбка, глаза светились дружеским расположением, и только зубы сверкали молодо и опасно.

– Что ну? – спросил Анфилогов.

– Я к тому, что все собаки у них породистые, непородистых собак не выгуливают. Беспородные гуляют сами по себе.

– Но не у всех же большие, черные и свирепые?

– А эта свирепая?

– Очень, – улыбнулся Анфилогов.

– А из чего это видно?

– Она набрасывается на других собак и рвет их на мелкие части.

– Многих изорвала? – улыбнулся, наконец, и Пияшев, справившись с настороженностью.

– Одну – это уж точно. Не до смерти, правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.